



## Котомка, шляпа и рожок

**Ж**или да были три брата, которые все более и более беднели и наконец впали в такую нужду, что и голод терпеть пришлось, и на зубок уж положить было нечего.

Вот и стали они говорить:

— Так дольше жить нельзя, лучше уж нам пойти по белу свету, поискать своего счастья.

Снарядились они так-то в путь-дорогу и не одну уже сотню верст прошли, не одну тропочку притоптали, а счастья своего все еще не повстречали.

Идучи путем-дорогою, зашли они однажды в дремучий лес и среди этого леса увидели гору, а как поближе подошли к ней — гора-то оказалась из чистого серебра.

Тогда старший из троих братьев сказал:

— Вот я и нашел желанное счастье и никакого иного не желаю. Он набрал серебра сколько мог снести, затем свернул с дороги и воротился домой.

Остальные братья сказали:

— Мы не того себе желаем счастья — нам надо чего-нибудь такого, что бы подороже серебра было. — И, не коснувшись серебра, они пошли дальше.

После того как они еще дня два-три шли путем-дорогою, подошли они к горе, которая вся целиком была из чистого золота.

Второй брат призадумался и был в нерешительности.

— Что должен я сделать? — сказал он. — Взять ли мне этого золота столько, чтобы мне на мой век хватило, или мне с братом дальше идти?

Наконец он принял твердое решение, наполнил свои карманы золотом насколько было возможно, простился с братом и направился домой.

А третий брат сказал:

— Серебро и золото меня не привлекают; не хочу отказать от своего счастья — быть может, мне еще предстоит что-нибудь лучшее в будущем.

И пошел он дальше, и шел целых три дня; тут уж зашел он в лес, который был еще обширнее всех предшествовавших; казалось, ему ни конца ни края нет! А так как у него ни есть, ни пить было нечего, то он и дошел до полного истощения.

Попробовал он взлезть на высокое дерево, чтобы посмотреть, не увидит ли он оттуда край леса, однако же, насколько мог он объять пространство глазом, вдали ничего не было видно, кроме вершин деревьев.

Стал он слезать с дерева, а голод его так мучил, что он подумал: «Ах, только бы мне еще разок поесть удалось!»

И что же? Чуть спустился, видит с изумлением, что под деревом стоит стол и весь он заставлен кушаньями, от которых так и несется благоухание.

— На этот раз, — сказал он, — мое желание исполнилось вовремя.

И, не справляясь о том, кто принес это кушанье и кто его варил, он прямо подошел к столу и стал есть с наслаждением, пока не удовлетворил своего голода.

Поевши, он подумал: «Было бы очень жалко эту тонкую скатерку бросить здесь в лесу» — чистенько сложил ее уголок с уголком и спрятал в карман.

Затем пошел он далее и вечером, когда опять почувал голод, задумал снова испробовать свою скатерку, разостлал ее и сказал:

— Желая, чтобы на тебе еще раз явились хорошие блюда в изобилии. — И чуть только пожелал, как уж вся скатерть была заставлена блюдами с самыми лучшими кушаньями. — Ну, теперь я вижу, в какой кухне для меня кушанье готовится! Эта скатерка мне милее будет, чем целая гора золота или серебра!

Он понял, что в руках у него скатерка-самобранка. Но и этой диковинки ему еще было недостаточно, чтобы вернуться домой на покой; он хотел еще побродить по белу свету и еще попытать счастья.

И пошел он дальше по лесу, и в одном из его глухих уголков повстречал черномазого угольщика, который обжигал уголья в угольной яме. Тут же стоял у него на огне котелок с картофелем, который он себе готовил на ужин.

— Здорово, чумазый! — сказал он угольщику. — Ну что? Каково поживаешь в своем одиночестве?

— Изо дня в день все то же, — отвечал угольщик, — и что ни вечер, то картофель; коли хочешь его отведать, будь моим гостем.

— Спасибо, — отвечал ему путник, — я не хочу у тебя отнимать твоего ужина, тем более что ты на гостя ведь не рассчитывал; лучше я тебя приглашу с собою поужинать.

— А кто же тебе сготовит ужин? — сказал угольщик. — Я вижу, что у тебя нет с собою никаких запасов, а отсюда на два часа пути не сыщется вокруг никого, кто бы мог тебя хоть чем-нибудь снабдить.

— Ну а все же я тебя таким кушаньем угощу, какого ты еще никогда не едал.

Тут он вынул свою скатерку-самобранку, разостлал ее на земле и сказал:

— Скатерка, накройся! — И тотчас явилось на скатерке и вареное, и жареное, и все было так горячо, как будто только сейчас из печи.

Угольщик и глаза вытаращил; но, впрочем, не заставил себя долго просить, а подсел к кушанью и давай себе набивать в свой черный рот кусок за куском.

Когда они насытились, угольщик почмокал губами и сказал:

— Слышь-ка, твоя скатерка мне по вкусу прищлась; она была бы мне очень кстати здесь, в лесу, где никто не может мне сварить ничего вкусного. И я бы мог предложить тебе недурной обмен: вон в уголку висит моя котомка, бывший солдатский ранец, поношенный и неказистый на вид, а сила в нем таится немалая... Но так как я в нем

больше не нуждаюсь, то я и могу променять его на твою скатерку.

— Сначала я должен узнать, какая же это в нем сила-то, — возразил путник.

— Это могу тебе объяснить, — сказал угольщик. — Стоит тебе только по тому ранцу похлопать ладонью, как выскочат из него ефрейтор и шесть человек солдат в полной амуниции и вооружении, и, что бы ты ни приказал им, они все исполнят.

— Ну что же? Я со своей стороны не прочь и поменяться.

И он отдал угольщику свою скатерку, снял ранец с крючка, навесил на себя и распрощался.

Отойдя немного, он захотел испытать чудодейственную силу ранца и похлопал по нему ладонью. Тотчас явилась перед ним команда из шести молодцов и ефрейтора, который спросил его:

— Что прикажет отец-командир?

— Скорым шагом марш к угольщику и потребуйте от него мою скатерку-самобранку.

Те сейчас налево кругом и очень скоро выполнили приказание: взяли у угольщика скатерку, не спрашиваясь.

Он опять скомандовал им:

— В ранец! — И пошел далее.

На закате солнца пришел он к другому угольщику, который суетился около огня, варил себе ужин.

— Коли хочешь со мною поесть, — сказал закоптелый парень, — картофеля с солью да без сала, так к нам подсаживайся.

— Нет, — отвечал ему путник, — на этот раз ты будь моим гостем, — да и раскинул свою скатерку, которая тотчас заставилась превкусными кушаньями.

Так они посидели, попили и поели и были очень довольны друг другом.

После еды угольщик и сказал путнику:

— Вон, видишь, лежит потасканная шляпа, и в этой шляпе есть диковинные свойства: если кто ее наденет и повернет на голове задом наперед, разом грянут пушки, словно бы их

двенадцать в ряд стояло, и все разом в пух расшибут, что бы там ни было. У меня эта шляпа висит без всякой пользы, а на твою скатерку я бы охотно променял ее.

— Ну что ж? Пожалуй! — сказал путник.

Но пройдя немного, он похлопал по ранцу, и его команда возвратила ему скатерку-самобранку.

«Ну вот! — подумал он про себя. — Счастье мое еще не оскудело».

И он точно не ошибся. Пробыв еще день в пути, пришел он к третьему угольщику, который тоже стал угощать его картофелем с солью да без сала. А он угостил его со своей скатерки-самобранки, и это угощение показалось угольщику в такой степени вкусным, что тот в обмен на скатерку предложил ему взять рожок, обладавший совсем особыми свойствами. Стоило только на нем заиграть, и падали разом высокие стены и укрепления, и целые деревни и города обращались в груды развалин.

Он точно так же поменялся с угольщиком скатертью на рожок, но опять ее вернул себе при помощи своей команды, так что наконец оказался одновременно обладателем и ранца, и шляпы, и рожка.

— Вот теперь, — сказал он, — теперь я всем обзавелся, и наступило время мне вернуться домой и посмотреть, как мои братцы поживают.

Когда он вернулся на родину, то убедился, что братья на свое серебро и золото построили прекрасный дом и жили в свое удовольствие.

Он вошел в их дом, но так как платье на нем было рваное и поношенное, на голове у него помятая шляпа, а за спиной потертая котомка, то они не хотели его признать за своего брата.

Они осмеяли его и сказали:

— Ты только выдаешь себя за нашего брата, который пренебрегал и серебром, и золотом и все искал для себя лучшего счастья! Тот уж, вероятно, вернется к нам во всем блеске, каким-нибудь королем, что ли, а уж никак не нищим! — И выгнали за двери.

Тогда он разгневался, стал хлопать по своему ранцу до тех пор, пока полтораستا молодцов не вытянулись перед ним во фронт. Он приказал им окружить дом братьев, а двоим из них наломать пучок прутьев с орешника и обоим гордецов до тех пор угощать этими прутьями, пока они не признают его за брата.

Поднялся шум, сбежались люди и хотели оказать помощь обоим братьям в их беде, однако же никак не могли с солдатами справиться.

Донесли о случившемся королю, и тот, недовольный нарушением порядка, приказал капитану выступить со своей ротой против возмутителей и выгнать их из города. Но наш молодец выхлопал из котомки команду гораздо многочисленнее роты, побил капитана и заставил его солдат отступить с разбитыми носами. Король сказал:

— Этого проходимца следует проучить! — И выслал против него на другой день еще больше людей, но и те ничего не могли поделывать.

Наш молодец выставил против него войско сильнее прежнего, да чтобы поскорее расправиться с королевскими солдатами, повернул на голове два раза шляпу: грянули пушки, и королевское войско было побито.

— Ну, теперь уж я до тех пор не помирюсь, — сказал молодец, — пока король не отдаст за меня замуж свою дочку и не передаст мне право на управление всей страной от его имени.

Это было передано королю, и тот сказал дочери:

— Плетью обуха не перешибешь! Ничего не остается более мне делать, как исполнить его желание... Коли я хочу жить в мире и притом хочу удержать венец на голове, так я должен тебя ему отдать.

Свадьбу сыграли, но королевна была очень разгневана тем, что ее супруг был человек простой, что он ходил в помятой шляпе и носил за спиною потертую котомку.

Она бы очень охотно от него отделалась и день и ночь только о том и думала, как бы этого добиться.

Вот и надумала она: «Уж не в этой ли котомке и заключается его чудодейственная сила?»

И прикинулась она ласковой, и, когда размягчилось его сердце, стала ему говорить:

— Если бы ты, по крайней мере, откинул эту противную котомку, которая так ужасно тебя безобразит, что мне за тебя становится совестно.

— Милый друг! — отвечал он. — Да ведь это мое самое дорогое сокровище! Пока эта котомка у меня в руках, мне никто на свете не страшен!

И открыл ей, какими котомка обладает дивными, необыкновенными свойствами.

Тогда она бросилась к нему на шею, как будто для того, чтобы обнять и расцеловать его, а между тем проворно отвязала у него котомку и пустилась бежать.

Оставшись наедине с этой котомкой, она стала по ней хлопать и приказала солдатам, чтобы они своего прежнего начальника захватили и вывели бы из королевского дворца.

Они повиновались, и лукавая жена приказала еще большому количеству войска идти за ним следом и совсем прогнать его из той страны. Пришлось бы ему пропадать, кабы не его шляпа! Повернул он ее разок-другой — и загремели пушки, и все сразу сбили и смяли, и королева сама должна была к нему прийти и молить его о пощаде.

Так-то она умильно просила, так горячо обещала ему исправиться, что он сдался на ее уговоры и согласился с ней помириться.

Она стала к нему ласкаться, прикинулась очень любящей его и несколько времени спустя сумела так его одурачить, что он ей проговорился и высказал:

— Против меня и с моей котомкой ничего не поделаешь, пока я своей шляпой владею.

Узнав эту тайну, она дала ему заснуть, отняла у него шляпу и приказала выбросить его самого на улицу.

Но она не знала, что у него еще оставался рожок в запасе, и он в гневе стал в него трубить изо всей мочи.

Тотчас рухнуло все кругом: попадали стены и укрепления, города и деревни обратились в груды развалин, и под ними погибли и король, и его дочка.

И если бы он еще потрубил немного и не отложил бы своего рожка в сторону, то все бы было разрушено и во всей стране камня на камне не осталось бы...

Тут уж никто не стал ему больше противиться, и он был признан королем над всей той странюю.





## Хламушка (Румпельштильцхен)

**М**ного-много лет назад жил да был мельник, бедный-пребедный, а дочь у него была красавица. Случилось как-то однажды, что пришлось ему говорить с королем, и вот он, чтобы придать себе побольше весу, сказал ему:

— Есть у меня дочка, такая-то искусница, что вот и солому тебе в золото перепрядь сумеет.

Король сказал мельнику:

— Это искусство недурное, и если твоя дочь точно уж такая искусница, как ты говоришь, то приведи ее завтра ко мне в замок, я ее испытаю.

Когда мельник привел свою дочь, король отвел ее в особую каморку, битком набитую соломой, дал ей самопрялку и мотовило и сказал:

— Садись-ка за работу, если ты в течение этой ночи до завтрашнего раннего утра не перепрядешь всю эту солому в золото, то велю тебя казнить.

Затем он своими руками запер каморку, и она осталась там одна.

Так и сидела там бедняжка мельникова дочь и придумать не могла, как ей спастись от лютой смерти. Она и понятия не имела о том, как солому перепрядь в золотые нити, и так пугалась ожидавшей ее участи, что наконец залилась слезами.

Вдруг дверь приотворилась, и к ней в каморку вошел маленький человечек и сказал:

— Добрый вечер, мельникова дочка, о чем ты так плачешь?

— Ах, ты не знаешь моего горя! — отвечала ему девушка. — Вот всю эту солому я должна перепрядь в золотые нити, а я этого совсем не умею!

Человечек сказал:

— А ты что же мне дашь, если я тебе все это перепряду?

— Ленточку у меня на шее, — отвечала девушка.

Тот взял у нее ленточку, присел за самопрялку да — шур, шур, шур! — три раза обернет, и шпулька намотана золота. Он вставил другую, опять — шур, шур, шур! — три раза обернет, и вторая готова. И так продолжалась работа до самого утра, и вся солома была перепрядена, и все шпульки намотаны золотом.

При восходе солнца пришел король, и когда увидел столько золота, то и удивился, и обрадовался, но сердце его еще сильнее прежнего жаждало золота и золота. Он велел перевести мельникову дочку в другой покойник, значительно побольше этого, тоже наполненный соломою, и приказал ей всю эту солому также перепрядь в одну ночь, если ей жизнь дорога.

Девушка не знала, как ей быть, и стала плакать, и вновь открылась дверь, явился тот же маленький человечек и сказал:

— А что ты мне дашь, если я и эту солому возьмусь тебе перепрядь в золото?

— С пальчика колечко, — отвечала девушка.

Человечек взял колечко, стал опять поскрипывать колесиком самопрялки и к утру успел перепрядь всю солому в блестящее золото.

Король, увидев это, чрезвычайно обрадовался, но ему все еще не довольно было золота; он велел переместить мельникову дочку в третий покой, еще больше двух первых, битком набитый соломою, и сказал:

— И эту ты должна также перепрядь в одну ночь, и, если это тебе удастся, я возьму тебя в супруги себе.

А сам про себя подумал: «Хоть она и мельникова дочь, а все же я и в целом свете не найду себе жены богаче ее!»

Как только девушка осталась одна в своем покое, человечек и в третий раз к ней явился и сказал:

— Что мне дашь, если я тебе и в этот раз перепряду всю солому?

— У меня нет ничего, что бы я могла тебе дать, — отвечала девушка.

— Так обещай же, когда будешь королевой, отдать мне первого твоего ребенка.

«Кто знает еще, как оно будет?» — подумала Мельникова дочка и, не зная, чем помочь себе в беде, пообещала человечку, что она исполнит его желание, а человечек за это еще раз перепрял ей всю солому в золото.

И когда на другое утро король пришел и все нашел в том виде, как он желал, то он с ней обвенчался, и красавица Мельникова дочь стала королевой.

Год спустя королева родила очень красивого ребенка и совсем позабыла думать о человечке, помогавшем ей в беде, как вдруг он вступил в ее комнату и сказал:

— Ну, теперь отдай же мне обещанное.

Королева перепугалась и предлагала ему все сокровища королевства, если только он оставит ей ребенка; но человечек отвечал:

— Нет, мне живое существо милее всех сокровищ в мире.

Тогда королева стала так горько плакать и жаловаться на свою участь, что человечек над нею сжалился.

— Я тебе даю три дня сроку, — сказал он, — если тебе в течение этого времени удастся узнать мое имя, то ребенок останется при тебе.

Вот и стала королева в течение ночи припоминать все имена, какие ей когда-либо приходилось слышать, и сверх того послала гонца от себя по всей стране и поручила ему всюду справляться, какие еще есть имена.

Когда к ней на другой день пришел человечек, она начала перечислять все известные ей имена, начиная с Каспара, Мельхиора, Бальцера, и перечислила по порядку все, какие знала, но после каждого имени человечек говорил ей:

— Нет, меня не так зовут.

На второй день королева приказала разузнавать по соседству, какие еще у людей имена бывают, и стала человечку называть самые необычайные и диковинные имена, говоря:

– Может быть, тебя зовут Риннебист, или Гаммельсваде, или Шнюрбейн?

Но он на все это отвечал:

– Нет, меня так не зовут.

На третий день вернулся гонец и рассказал королеве следующее:

– Я не мог отыскать ни одного нового имени, но когда я из-за леса вышел на вершину высокой горы, куда разве только лиса да заяц заглядывают, то я там увидел маленькую хижину, а перед нею разведен был огонек, и около него поскакивал пресмешной человечек, приплясывая на одной ножке и припевая:

Сегодня пеку, завтра пиво варю я,  
А затем и дитя королевы беру я;  
Хорошо, что не знают – в том я поручусь, –  
Что Хламушкой я от рожденья зовусь.

Можете себе представить, как была рада королева, когда услышала это имя, и как только вскоре после того человечек вошел к ней с вопросом: «Ну, государыня-королева, как же зовут меня»? – королева спросила сначала:

– Может быть, тебя зовут Кунц?

– Нет.

– Или Гейнц?

– Нет.

– Так, может быть, Хламушка?

– О! Это сам дьявол тебя надоумил, сам дьявол! – вскричал человечек и со злости так топнул правой ногою в землю, что ушел в нее по пояс, а за левую ногу в ярости ухватился обеими руками и сам себя разорвал пополам.





## Милый Роланд

**Ж**ила-была на свете женщина — настоящая ведьма, и были у нее две дочери. Одна была безобразна и зла, и ту она любила, потому что это была ее родная дочь. Другая была прекрасна собою и сердцем добра, и ту ведьма ненавидела, потому что та ей приходилась падчерицей.

Однажды падчерица надела фартучек, и он до такой степени понравился ее названной сестре, что та, завидуя, потребовала у матери и себе такого же фартучка.

— Повремени, дитятко, — сказала ведьма, — будет у тебя такой фартучек. Твою названую сестрицу давно убить следует, и вот сегодня ночью, как только она заснет, я приду к вашей кровати и отрублю ей голову. Позаботься только о том, чтобы лечь в постели у нее за спиною, а ее повывдвинь вперед.

Бедняжка и точно должна была бы поплатиться жизнью, если бы она из укромного уголка не подслушала всей беседы матери с дочкой.

За целый день бедная падчерица не посмела даже и шагу ступить за порог дома.

А когда вечером пришло время спать ложиться, бедная девушка должна была первая улечься в постель, чтобы ее злая сестра, как и велела ей мать, могла лечь позади.

Но когда та заснула, падчерица несколько выдвинула ее вперед, а сама залезла за ее спину, к стенке.

Среди ночи старуха подкралась к постели, держа в правой руке топор, а левой оцупала, лежит ли кто-нибудь, выдвинувшись головой вперед.

И затем, ухватив топор обеими руками, отрубила голову своей родной дочери.

Когда она удалилась, девушка поднялась с постели, пошла к своему милому, которого звали Роландом, и постучалась у его двери.

Когда он к ней вышел, она сказала ему:

— Слушай, миленький Роланд, мы должны отсюда бежать как можно скорее: мачеха хотела меня убить, но вместо меня убила свою родную дочь. Когда рассветет и она увидит, что сделано ею, мы погибли!

— Однако же я тебе советую, — сказал Роланд, — чтобы прежде побега ты взяла у нее из дома ее волшебный жезл, а не то мы не сможем спастись от ее преследований никаким бегством.

Девушка принесла волшебный жезл ведьмы, а затем взяла отрубленную голову сестры и накапала три капли крови: одну — перед постелью на полу, одну — в кухне и одну — на лестнице.

После этого девушка поспешно удалилась вместе со своим возлюбленным Роландом.

Когда же старая ведьма проснулась поутру, она кликнула свою дочку и хотела отдать ей фартучек падчерицы, но та не явилась на зов ее.

— Да где же ты? — крикнула ведьма.

— Здесь я, на лестнице, подметаю! — отвечала ведьме одна из капелек крови.

Старуха вышла на лестницу, никого там не увидела и еще раз крикнула:

— Да где же ты?

— Да здесь, в кухне, пришла погреться! — отвечала ей вторая капелька крови.

Ведьма и в кухню пошла — и там ничего не нашла.

— Да где же ты? — закричала она дочке в третий раз.

— Ах, да здесь же я, в постели, сплю, — крикнула ведьме третья капелька крови.

Та пришла в комнату, к постели — и что же там увидела? Свое родное дитя, которое плавало в крови и которому она своими руками отрубила голову.

Ведьма пришла в ярость, бросилась к окну, и так как она обладала способностью очень далеко видеть, то увидела свою падчерицу, которая поспешно удалялась со своим милым Роландом.

— Не уйдете вы от меня! — прошипела ведьма. — Как бы далеко вы ни были, и все же не уйдете!

Она тотчас обула свои сапоги-сороходы, в которых она что ни шаг, то час пути перемахивала, и немного спустя уже нагнала обоих беглецов.

Но, завидев издали старуху-ведьму, девушка обратила при помощи волшебного жезла своего милого в озеро, а сама обернулась уткой и стала среди того озера плавать.

Ведьма остановилась на берегу, стала бросать утке крошки хлеба и всеми силами старалась приманить ее к берегу; но утка себя приманить не дала, и старая ведьма должна была вечером вернуться домой, так ничего и не добившись.

А падчерица ее со своим милым снова приняли свой обычный вид и еще целую ночь шли путем-дорогою до рассвета.

А на рассвете падчерица обернулась сама в прекрасный цветок среди терновой изгороди, а своего милого Роланда обернула в музыканта со скрипкой.

Вскоре после того явилась следом за ними и ведьма и сказала музыканту:

— Милый музыкант, дозволено ли будет мне сорвать этот цветок?

— О да, конечно, — отвечал музыкант, — я даже помогу тебе, подыгрывая на моей скрипке.

И вот, когда она поспешно залезла в изгородь, стараясь поскорее сорвать цветок (она, конечно, знала, кто цветком обернулся), музыкант начал подыгрывать, и ведьма волея-неволей должна была плясать, потому что музыка эта была волшебная.

И чем скорее он наигрывал, тем выше она подпрыгивала, и терновник срывал с нее одежду клочьями и терзал ее тело. Так как музыкант не переставал играть, ведьма плясала до тех пор, пока не пала мертвой на землю.

Когда они таким образом избавились от ведьмы, Роланд сказал:

— Я теперь отправлюсь к отцу моему и займусь приготовлениями к свадьбе.

— Ну, так я покамест здесь останусь, — сказала девушка, — и подожду тебя; а для того чтобы никто меня не узнал, я обернусь красноватым камнем.

Роланд ушел, а девушка, превратившись в красноватый камень, осталась на поле и стала ждать своего милого.

Но когда Роланд вернулся домой, он попался в западню к другой женщине, которая довела его до того, что он забыл свою милую.

Долго ждала его девушка, но, когда он совсем не вернулся, она запечалилась и обернулась цветком, подумав: «Авось кто-нибудь пойдет путем-дорогою и меня растопчет».

Случилось, однако же, что на том поле пастух пас овец, увидел цветок, сорвал его, потому что он уж очень красив ему показался, снес домой и положил к себе в ящик.

С той поры все в доме пастуха стало совершаться каким-то чудом; чуть он поутру вставал, уже вся работа была в доме сделана: комната выметена, стол и лавка чисто протерты, огонь разведен в очаге и вода в дом напущена.

А в полдень, когда он возвращался домой, у него уже и стол был накрыт, и хорошее кушанье на стол подано. Он даже и понять не мог, как это происходило, потому что он никогда никого не видел в своем домике, да негде было в нем и спрятаться.

Понравился пастуху этот тщательный уход за его домом, но затем он уж стал этих домашних чудес понемногу и побаиваться.

Пошел он к одной ведунье и спросил у ней совета. Ведунья сказала:

— Тут колдовство в дело замешано; как-нибудь рано утром приметь, не движется ли что-нибудь в комнате, и, если что-нибудь увидишь, что бы там ни было, сейчас набрось белый платок, и действие волшебства сразу прекратится.

Пастух поступил, как ему было сказано, и на другое утро на самом рассвете он увидел, как ящик стола открылся и цветок

из него вышел. Подскочил он к цветку и набросил на него белый платок. И тотчас цветок обратился красивой девушкой, и она созналась ему, что была цветком и в виде цветка присматривала за его домашним хозяйством.

Рассказала она ему судьбу свою, и так как она ему понравилась, он спросил у нее, не хочет ли она за него выйти замуж; но она отвечала: «Нет», так как она хотела все же остаться верна своему милому Роланду, хоть тот и покинул ее. Но она обещала, что не уйдет из его дома и будет продолжать вести его хозяйство.

Тут как раз подошло время свадьбы Роланда, и по старинному обычаю было по всей стране объявлено, чтобы все девушки собирались на свадьбу и славили молодых песнями. Красная девица, как услышала об этом, так запечалилась, что у ней сердце разрывалось на части; она и не хотела идти на эту свадьбу, да другие девушки зашли за нею и увели ее с собою.

Когда же наступала ее очередь петь в честь новобрачных, она все отходила, пока не осталась одна-одинешенька и должна была при них пропеть свою песню.

Но едва только она запела и Роланд слышал ее пение, как вскочил он и воскликнул:

— Этот голос знаком мне! Это поет моя настоящая невеста, другой я не желаю!

Все, что он уже успел позабыть и что давно изгладилось из его памяти, вдруг вновь проснулось в его сердце.

Тогда верная Роланду девушка пошла с ним под венец, и ее страдания окончились, и наступили для нее дни счастья и радости.





[Почитать описание, рецензии  
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

